

Молодой коммунар
г. Тула

29 ДЕКАБРЯ 1987 ГОДА

ГОСТИ
НАШИХ
ЭКРАНОВ

Акира Кurosава и его самураи

Имя японского мастера Акиры Кurosавы всегда называют одним из первых в ряду имен великих кинематографистов нашего столетия. И обусловлено это не только высочайшим профессиональным совершенством каждого из его 28 фильмов. Кurosава — один из величайших во всей современной культуре гуманистов. Мало кто сумел с такой последовательностью, глубиной и силой разработать тему Добра. Все его творчество — развернутый ответ на вопрос: что есть Добро, как Добро входит в душу человека и занимает в ней главное место, вытесняя все низменное, недостойное.

Эта тема отчетливо прослеживается в тех семи фильмах, которые могли видеть советские зрители. К сожалению, «могли видеть» — не значит «видели». Появлявшиеся в советском прокате на рубеже 60—70-х годов ленты Кurosавы выпускались мизерными тиражами и демонстрировались по преимуществу в малопосещаемых кинотеатрах. Такая печальная судьба постигла и философскую притчу о загадках человеческой психики «Расёмон», и современную психологическую драму «Жить», и политический детектив (один из первых в мировом кино!) «Злые остаются живыми», и эпическое полотно из жизни Японии XIX века «Красная борода», и повествование о проблемах и тревогах сегодняшней японской бедноты «Под стук трамвайных колес», где оригинальное преломление нашли традиции итальянского неореализма и немецкого экспрессионизма. К тому же этот фильм, где Кurosава впервые обратился к цвету и проделал с ним интереснейшие эксперименты, в Туле шел только в черно-белом варианте.

Так что долгое время массовый зритель имел представление лишь о мастерстве Ку-

росавы-драматурга: по его сценарию режиссер Сэйитиро Утикава поставил фильм «Генный дзюдо», пользовавшийся у нас большим успехом. Больше повезло знаменитой картине «Дерсу Узала», которую японский мастер поставил на «Мосфильме», и его предпоследней ленте «Тень воина», где Кurosава говорит о ценности и уникальности каждой человеческой личности. Эти два фильма и сейчас имеются в действующих фондах кинопрокатных организаций.

И вот, наконец, завершился растянувшийся на «былинные» срок в «тридцать лет и три года» путь к советскому зрителю едва ли не самого знаменитого фильма Акиры Кurosавы «Семь самураев». Прошедший в 1954—1955 годах с триумфальным успехом в разных странах, фильм был удостоен премии «Серебряный лев Святого Марка» на Венецианском кинофестивале, премии Американской академии киноискусства «Оскар», ряда других самых престижных наград. Еще больший успех сопровождал повторному выпуску картины в 1975 году.

И секрет его, конечно же, не только в динамичной форме боевика. Об этом свидетельствует хотя бы совсем иная кинематографическая судьба многочисленных подражаний и переделок — например, известных и у нас американской ленте «Великолепная семерка» и индийской «Мест и закон». Их создатели, разумеется, получили свою долю прибылей, но не могли идти и речи о том, чтобы они приблизились ко всей глубине и внутренней значительности шедевра Кurosавы.

Ибо здесь сквозная для его творчества тема Добра трансформируется в исследование проблемы, что значит быть рыцарем — рыцарем по образу жизни и состоянию духа. И

ответ однозначен: рыцарская доблесть — не в игре мускулов, не в бряцании оружием, а в человечности и доброте. Быть же добрым, по Кurosаве, — значит не жалеть себя ради других. Именно неиссякаемые запасы человечности и доброты открывают в собственных

недрах — подчас неожиданно для себя — самураи Кurosавы.

Собственно говоря, он показывает не самурайскую верхушку, а так называемых ронинов — обедневших, деклассированных самураев, которые во множестве бродили по дорогам Японии в XVI веке, в эпоху разорительных междоусобных войн. Но сути это не меняет: и те и другие должны были бы поступать в соответствии с пресловутым «бусидо» — кодексом самурайской чести. Однако когда он вступает в противоречие с законами человеколюбия — герои фильма неизменно выбирают человечность. (К слову сказать, кодекс «бусидо» ни разу не упоминается на экране, в отличие, например, от известного советским зрителям фильма одного из наиболее талантливых последователей Кurosавы Масаки Kobаяси «Восставшие», как раз посвященного разоблачению антигуманной сущности «бусидо»).

С главным героем «Семь самураев» Камбэем (в этой роли снялся выдающийся актер Такаси Симура — участник 21 картины Кurosавы; последней из них была «Тень воина», через несколько месяцев после завершения которой артист скончался) мы знакомимся, когда он спасает ребенка, попавшего в руки бандита. Не то чтобы «правоверный» самурай не должен был этого делать. Он не должен был этого замечать: самураю предписывалось существовать совсем в ином мире, мире совершенствования во владении оружием и слепого повиновения господину, отгороженном непроницаемой стеной от забот и бед простых людей, за чей счет кормилась военно-феодалная верхушка. Камбэй же — рыцарь в самом высоком смысле, как бы еще одно воплощение лучших черт Дон Кихо-

та, — скажет крестьянам, позвавшим его на помощь: «Этот рис я даром есть не стану». И эта фраза станет центральным лейтмотивом фильма, проясняющим его сокровенную идею.

Едва ли не самый интересный, данный в максимальной динамике развития характера персонаж картины — Кикутиё в исполнении Тосиро Mифунэ (он снялся в 16 лентах Кurosавы, причем везде был центром экранного действия). Крестьянский парень, жаждущий стать самураем, он ищет не богатства и легкой жизни. Он стремится к цельности и прямоте, ибо удел крестьянина в тогдашней Японии — раздвоенность.

С одной стороны — унижаться и пресмыкаться перед властью имущими, с другой — хитрить, ловчить, изворачиваться. Иначе неминуема голодная смерть... И Кикутиё прекрасно понимает причины такого положения, но не может принять его для себя, не может идти на сделки с совестью. А в самопожертвовании Кикутиё в финале картины, быть может, заключена мысль автора о том, как труден, тернист путь человечности и доброты всегда, но особенно в обществе, основанном на угнетении и жестокости.

Кurosаву нередко обвиняли в том, что в своей ленте он возвысил самураев и принизил крестьян. Отношение его к официальной идеологии самурайства нам уже ясно. А что до крестьян — действительно несимпатичных и жалких — то уж не традиции ли гоголевской «Шинели» просматриваются здесь? Да и всей русской классики, с ее неизменным сочувствием к «униженным и оскорбленным», но сочувствием не «конфетно-умиленным», а содержащим призыв бороться с несовершенствами мира. Ведь Кurosава — великий знаток русской культуры.

Среди его лент — экранизации романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и пьесы М. Горького «На дне». Перенеся их действие на японскую почву, режиссер, тем не менее, сумел достичь удивительного совпадения с духом оригинала. Эти фильмы пока — к сожалению — неизвестны советскому зрителю. Но приобретенная последняя картина Кurosавы — «Ран». И она, несомненно, также займет достойное место в ряду ярчайших произведений выдающихся мастеров мирового киноискусства, которые появляются сейчас на наших экранах.

В. БАННИКОВ,
редактор облкинопроката.